

Глава 35. Шепот жемчужных четок (часть 1)

Старик Фу оказался прав: на барельефах, помимо жутких и кровавых сцен, действительно были запечатлены горы, реки и постройки. Когда он обнаружил на одном из снимков излучину реки, мимо которой они недавно проходили, его охватило неопишное волнение. Теперь он окончательно уверился: древние камни скрывают путь к таинственному буддийскому храму.

Он скрупулезно переносил на карту каждое место, найденное на фотографиях. Лу Цинсюэ принесла ему консервы, но старик даже не удостоил её взглядом, полностью погрузившись в расчеты.

Пока Старик Фу, Фу Яньтао и Лу Цинсюэ были заняты делом, Лао Ту мельком взглянул на снимки и брезгливо поморщился, завидев запечатленные там зверства.

Цзян Жуцзин тоже бросил взгляд на барельефы и помрачнел. Се Чжицзянь, заметив его состояние, шагнул вперед, заслоня собой фотографии.

— Не нравится — не смотри. Пусть сами копаются, — мягко произнес он.

Цзян Жуцзин лишь холодно усмехнулся:

— Оставь свою фальшивую заботу при себе!

Се Чжицзянь, не скрывая печали во взгляде, протянул ему открытую банку:

— Поешь чего-нибудь.

Цзян Жуцзин опустил глаза, делая вид, что разглядывает еду, хотя сам украдкой наблюдал за остальными. Резким движением он выбил банку из рук Се Чжицзяня. Консервы, в которых не было даже ложки, полетели в песок.

— Боюсь даже прикоснуться к тому, что ты даешь, — бросил он и, развернувшись, ушел прочь, продолжая чутко следить за реакцией спутников.

Се Чжицзянь медленно присел, поднял перепачканную песком банку и долго так и оставался сидеть, не в силах подняться.

Наступила ночь. В темноте пустыни горели два костра, похожие на чьи-то недобрые, пылающие гневом глаза.

Цзян Жуцзин устроился как можно дальше от Се Чжицзяня, всем своим видом показывая, что тот для него — сущий яд. Се Чжицзянь не стал навязываться и испытывать судьбу. Он сидел у другого костра, спиной к Цзян Жуцзину, и задумчиво ворошил веткой угли. В его глазах отражалось глубокое одиночество.

— Он злится на вас? — услышал Се Чжицзянь. Он поднял голову и увидел Ачамоло.

Он едва заметно кивнул:

— Возможно.

— Он обязательно вас простит, — Ачамоло смотрел на него своими карими глазами, чей взгляд всегда действовал успокаивающе.

Се Чжицзянь вежливо, но отстраненно улыбнулся:

— Спасибо.

Он снова перевел взгляд на пламя, словно собеседника рядом и не было. Ачамоло немного помолчал, но в конце концов не выдержал:

— Вы долго его искали?

Се Чжицзянь замер. Повисла долгая пауза, прежде чем он ответил:

— Очень долго.

В эти два слова он вложил такую тяжесть, что Ачамоло невольно содрогнулся. Ему почудился человек, который тысячи лет бредет сквозь бури, обходит заброшенные кладбища и вглядывается в лица прохожих, раз за разом натываясь на стену пустоты. Повсюду лишь дорожная пыль и бесконечная усталость.

Ачамоло ощутил эту чужую боль как свою собственную. Он прослезился.

— Но ведь вы нашли его, — прошептал он с улыбкой.

Ли Ле выглядел изнуренным.

— Нашел, но он... Впрочем, неважно. Он замечательный, это я виноват перед ним. — Он тяжело вздохнул, не позволяя себе ни тени недовольства в адрес Цзян Жуцзина.

Ачамоло не знал, как подступиться с утешением, и лишь мягко проговорил:

— Он непременно вас простит. Вы такой добрый человек и искали его столько лет.

Ли Ле негромко рассмеялся:

— Говоришь так, будто знаешь меня целую вечность. — Не давая Ачамоло возразить, он сменил тему: — Ночью в пустыне холодно. Передай ему это пальто, пожалуйста. Только не говори, что от меня.

С этими словами он снял тяжелое пальто и протянул его Ачамоло. В его глазах застыло то самое выражение безграничной нежности и тоски, которое Ачамоло видел уже не раз.

— Хорошо, — тот принял вещь, поклонился Ли Ле и направился к другому костру.

Давным-давно...

По бескрайней земле текла широкая река, ее воды переливались на солнце, словно дорогой шелк.

У самой кромки берега лежал черный камень — грубый, невзрачный, размером чуть больше ладони.

У него не было гладкости речной гальки или благородства яшмы. Его поверхность была шершавой, покрытой пятнами, а нрав — твердым и дерзким. Один из тысячи бесполезных обломков, не стоивших и гроша.

В тот день разразилась буря. Небо почернело, молнии змеями метались среди туч. Ливень обрушился на землю, точно небеса разверзлись, а яростный ветер стирал с лица земли дома и посева. Люди в ужасе кричали и падали на колени, моля о пощаде.

И в этом хаосе чья-то нога в соломенной сандалиии запнулась о него.

«Глупец», — пронеслось в его каменном сознании.

Но внезапно он ощутил тепло. Чья-то рука коснулась его — осторожно, с почтительной нежностью.

«Может быть, только такой особенный человек и мог поднять такой особенный камень?»

— Это он велел передать? — Цзян Жуцзин принял пальто. Ткань еще хранила чужое тепло.

Ачамоло вспомнил просьбу Ли Ле и покачал головой.

Цзян Жуцзин долго смотрел на пальто, а потом негромко произнес:

— Посиди со мной немного.

Ачамоло, чувствуя его душевное смятение, молча опустился рядом.

Цзян Жуцзин украдкой понаблюдал за ним и, придав голосу мрачную окраску, спросил:

— Ты ведь тоже думаешь, что я слишком жесток с ним?

— М-м? — Ачамоло на мгновение растерялся. — Вовсе нет.

Он опустил голову и повторил:

— Я так не считаю.

Такой ответ сбил Цзян Жуцзина с толку. Он лишь озадаченно хмыкнул.

Ачамоло снова посмотрел на него. В его карих глазах отражались блики костра, взгляд был искренним и кротким.

— Возможно, на мгновение мне и показалось, что ты неправ, но я сразу подумал: у тебя наверняка есть причины. — Он улыбнулся — спокойно и милосердно. — Ты ведь неспроста так с ним поступаешь.

«Ты за меня же мои оправдания и придумываешь, как мне теперь быть?» — подумал Цзян Жуцзин, но на душе у него после этих слов стало немного светлее.

Под ночным небом лицо Ачамоло стало удивительно похожим на лики будд, которые Цзян Жуцзин видел в Храме Брахмы.

— Но знаешь, — тихо добавил Ачамоло, — может, тебе стоит задуматься... Ведь то, что ты видишь, слышишь и чувствуешь — это далеко не всё.

— Об этом и думать нечего, — отрезал Цзян Жуцзин. — Всё, что я испытал, о чем думал и что узнал — это, разумеется, лишь часть правды.

Ачамоло вздохнул:

— Я имею в виду, что между вами могло выйти недоразумение. Он искал тебя очень долго. С того самого дня, как я его встретил, он только и делал, что искал тебя.

Цзян Жуцзин замер, а потом расхохотался, словно услышал самую нелепую шутку в мире:

— Недоразумение? Искал меня? Ха-ха-ха!

Ачамоло смотрел на него с недоумением.

Внезапно Цзян Жуцзин оборвал смех. Его лицо исказилось, он вспыхнул леденящей яростью, а голос стал вкрадчивым и зловещим:

— Давай я расскажу тебе, что именно он со мной сделал.

<http://bllate.org/book/17530/1706318>